

Он сам взял чашу с вином, удерживая её в руке, и, устремив взгляд на Сяо Шанли, спросил:

— Когда ты узнал?

Знал, что он — незаконнорожденный, что император смотрит на него, как на муравья, что с тех пор, как ему исполнилось десять лет, он подозревал, что смерть его матери была не случайной, и потому не мог спать по ночам, просыпался от кошмаров, цеплялся за жизнь и даже мечтал о власти, но в конце концов всё равно не смог избежать своей участи.

Сяо Шанли внезапно улыбнулся и ответил:

— Узнал что?

Он отправил всех прочь, подошёл к железной решётке тюремной камеры и сказал:

— На самом деле я ничего не знаю.

Зрачки князя Шоушаня сузились. Сяо Шанли продолжил:

— Я просто бросил фразу, не ожидая, что шестой брат воспримет её всерьёз. Неужели ты поверил моим словам о том, что ты не родной сын императора, и поверил слухам, что наложница Хэ была убита отцом, и потому так поспешно поднял восстание, что привёл себя к гибели? Это смешно.

Князь Шоушань окаменел. Через мгновение он закинул голову и разразился смехом, который вскоре стал почти безумным. Он выпил ядовитое вино до последней капли. Только теперь он понял, почему, когда он начал расследовать смерть своей матери, все те загадки, которые он годами безуспешно пытался разгадать, вдруг стали очевидны. Оказалось, что девятый князь давно знал о его подозрениях и подбросил ему отравленную приманку, чтобы без малейших усилий заставить его самого себя запутать. Князь Цзинчэн точно рассчитал, что самая коварная часть этого плана заключалась в том, что князь Шоушань, как бы он ни сомневался, не мог спросить императора, действительно ли он его сын или была ли его мать убита отцом. В этой игре у него не было шансов на победу — только смерть.

В боковом зале Лэ Юй сказал:

— Это то, чего ты хотела? Как говорила Синьчи, твоя мечта — остаться в истории?

Услышав его гнев, Гу Хуань расслабила брови и ответила:

— Остаться в истории — это игра мужчин. Мне это неинтересно. Раньше я не понимала — после того, как я восстановила имя отца, я поняла, что не хочу быть мужчиной и не хочу бороться за место в истории.

Она медленно продолжила:

— У меня есть то, что я должна сделать. Я не отличаюсь от многих мужчин — я такая же

эгоистичная и самоуверенная, как и они. Мои отношения с матерью, братом, учителями, друзьями и мужем были прерваны на полпути, потому что я должна была сделать то, что считала важным.

Она добавила:

— «Тех, кто понимает меня, всего несколько человек». Моя приёмная мать знает, какой я человек, Синьчи тоже знает, поэтому она никогда не останавливала меня. Ты же не знаешь меня или не хочешь знать. Если бы ты знал меня, ты бы понял, что я не заслуживаю такого отношения. Я не стремлюсь остаться в истории...

Она улыбнулась:

— Вы говорите, что история справедлива, но история, написанная мужчинами, не достойна того, чтобы в ней осталось моё имя.

Лэ Юй отступил на шаг.

— Хорошо.

Он отступил ещё на шаг, оглядывая боковой зал. За алтарём стояли два подушечки для молитвы, на одной из которых сидела нежная и слабая женщина. Говорят, что мужчины подобны камням, а женщины — тростнику, но она была подобна тростнику телом и камню сердцем. Лэ Юй снова произнёс:

— Хорошо.

Его голос был низким. Её пальцы дрожали, но со спины этого не было видно. За её спиной двери бокового зала внезапно распахнулись, и Лэ Юй исчез.

К ней подошла красивая женщина средних лет, оперлась на дверь и сказала:

— «Господин Лин» ушёл.

Она подошла, чтобы поддержать Гу Хуань. Та покачала головой, продолжая сидеть на подушечке, и сказала:

— Когда я приехала в Цзиньцзин, Сяо Шанъи ждал меня здесь в простой одежде. Мы сидели в храме Лунного Старца и обсуждали дела мира.

Именно поэтому она, несмотря на болезнь, так настаивала на том, чтобы приехать сюда. Если бы она не приехала сейчас, возможно, больше никогда бы не смогла это сделать.

Ши Ицзэ почувствовала, как у неё защемило в носу, и произнесла:

— Хозяйка...

Но Гу Хуань вспомнила тот день, когда старушка посоветовала ей:

— Молодая госпожа, зайдя в храм Лунного Старца, обязательно попросите о чём-нибудь.

Она опустила голову и молча улыбнулась, словно из скромности, но в душе с гордостью подумала: «Я никогда не прошу богов о чём-либо». Но теперь, глядя на статую божества, она словно увидела спокойное лицо наложницы Жун.

Впервые она сложила ладони, закрыла глаза и поклонилась:

— Все боги, прошу вас, защитите... одного человека. Я всю жизнь старалась никого не подводить, но только перед ним я в долгу.

Ши Ицзэ не поняла, мягко подняла лицо к двери зала и тихо спросила:

— Тот, кто, вероятно, не имеет равных в мире, и тот, кто...

Она подавила слова «Пэнлай» и продолжила:

— Живёт вдали от мира, хозяйка, зачем вы беспокоитесь?

Гу Хуань ответила:

— Зачем? Да, зачем.

В её голосе звучала доля самоиронии — она вспомнила план Сяо Шанли, названный «Использование чужого меча», где он использовал руку императора Чу, чтобы убить своего сына, князя Шоушаня. Услышав это впервые, она была потрясена, а затем, разобравшись в его жестоких замыслах, поняла — странно, но если бы он был добрым по натуре, он никогда бы не смог отобрать трон у императора Чу.

Он был ещё молод, а она сама была измотана и не заметила, как ребёнок, которого она годами направляла, стал таким. Это не было плохо — девятый князь по своей природе не был похож на своего отца, но разве можно терпеть, когда кто-то спит рядом с твоей постелью? Пэнлай не принадлежал Южной Чу, но находился в её морских владениях. Какой правитель сможет терпеть остров Пэнлай, который не подчиняется ему? Тем более после той ночи в тайной комнате с девятым князем...

Гу Хуань закрыла глаза. Хотя Сяо Шанли скрывал от неё это, она знала, что он уже заручился поддержкой третьего молодого господина Гу, тридцати шести отделов Павильона Весеннего Дождя и помощи восемнадцати архатов Дзен-храма Золотого Леса. Всё это могло стать проблемой для Лэ Юя. Она взяла руку Ши Ицзэ и поднялась, сказав:

— Я надеюсь, что он скоро достигнет уровня гроссмейстера. Даже император не посмеет легко обидеть гроссмейстера. Моя приёмная мать говорила, что Сутра Истинного Удовольствия помогает преодолеть преграды чувств. Надеюсь, что сегодня он сможет преодолеть преграду

наших старых чувств и бросит меня, как ненужную вещь...

В тюрьме раздался звук разбившейся чаши. Князь Шоушань почувствовал острую боль в животе и прохрипел:

— Победитель становится королём, а побеждённый — разбойником. Я недооценил тебя, ты хорошо справился! Но клянусь небом и землёй, если будет следующая жизнь, я хочу снова родиться в императорской семье и снова сразиться с девятым братом!

С этими словами он пошатнулся, упал на пол, изо рта и носа хлынула кровь, и он испустил дух. Так закончилось дело о восстании князя Шоушаня. Князь Шоушань покончил с собой, его учитель был казнён вместе с тремя поколениями семьи, двое чиновников были казнены, трое сосланы — всё это было предложено князем Цзинчэном, и император Чу, не любивший разбираться с мятежниками, всё утвердил.

Сяо Шанли некоторое время смотрел на это, а затем, при свете колеблющегося пламени в каменной камере, сказал:

— У меня есть человек, которого я люблю, но ради трона я временно оставил его. Теперь трон почти в моих руках, и я думал, что ничто больше не мешает мне быть с ним, но я понял, что у нас разные позиции. Чу для меня — как Пэнлай для него. Я не могу заставить его отдать Пэнлай мне, и потому мы стали врагами.

Он добавил:

— Я часто думал, почему я так хочу этот трон? Потом я понял, что, возможно, это потому, что во мне течёт кровь моего отца и кровь Чжоуских правителей. Эти две амбиции заставляют меня оставлять многое в этой жизни. Если будет следующая жизнь, пусть шестой брат родится один в императорской семье, я не буду его сопровождать.

В зале Юйси несколько важных чиновников стояли в почтительном молчании. Император Чу полузакрыв глаза, откинувшись на троне, у его ног были разбросаны доклады, слуги стояли на коленях, не смея их поднять.

Евнух объявил прибытие князя Цзинчэна. С той ночи, когда был подавлен мятеж, император Чу разрешил князю Цзинчэну использовать церемониальные знаки отличия наследного принца. Все напряглись, когда увидели, как по блестящему полу зала, украшенному золотом и нефритом, шёл человек. Его внешность была ослепительной, невероятно красивой для мужчины, но в его движениях чувствовалась холодная сдержанность.

Сяо Шанли подошёл и поклонился:

— Докладываю Вашему Величеству, преступник Сяо Шанчунь покончил с собой.

Император Чу открыл глаза и сказал:

— Я получил множество докладов с просьбами о помиловании для преступника Сяо Шанчуня. Я никогда не подводил его, это он подвёл меня! Теперь он покончил с собой. Князь Цзинчэн, скажи, если я не буду скорбеть о нём, не будет ли это слишком бесчеловечно и не охладит ли сердца моих сыновей и подданных?

Чиновники опустили на колени, прося прощения. Сяо Шанли сказал:

— Преступник Сяо Шанчунь сам предал своего отца и государя. Ваше Величество несёт ответственность за всю страну, как может он скорбеть о предателе?

Император Чу громко рассмеялся:

— Вот это мой настоящий сын!

Он взмахнул рукавом и холодно оглядел чиновников:

— Объявите указ!

Евнух опустился на колени, получив приказ, встал и объявил:

— По воле Его Величества, в связи с кончиной наследного принца Чжаохуай и последовавшими за этим интригами среди князей, произошли покушения в первый месяц и недавний мятеж. Положение наследного принца не может оставаться пустым. Отныне князь Цзинчэн Сяо Шанли назначается наследным принцем.

Чиновники поклонились в знак согласия. Император Чу с раздражением сказал:

— Следующий указ!

<http://bllate.org/book/15272/1348112>